

Вопрос номера

Должен ли верующий быть слабаком ?

Письмо в редакцию:

Здравствуйте, хочу попросить совета в моей давней проблеме. Дело в том, что я совсем не могу постоять за себя. Ни в какой ситуации. Не то чтобы меня все так уж обижали, хотя бывает и такое. Но даже в самых простых случаях у меня не получается отстоять свои интересы и права. Например, на работе мне часто приходится доделывать за коллегой часть его работы. Мне это не нравится, но сказать ему об этом я почему-то не могу.

Он хороший человек и не доделывает работу не нарочно, а скорее по неопытности, но мне все равно плохо от этого. И таких мелочей в жизни на каждом шагу. В институте подруга по сути украла у меня тему курсовой работы. А я так и не смогла с ней об этом поговорить, хотя меня это очень обидело. Дома мама в любой момент может без стука войти ко мне в комнату. Мне это неприятно, но я и ей ничего не говорю. Перечислять можно долго. Утешаю себя тем, что в Евангелии написано «если тебя ударили по одной щеке, подставь другую» и «если у тебя требуют верхнюю одежду, отдай и рубаху». Но легче от этого не становится, все равно на душе тяжело, как будто я делаю что-то плохое, когда молчу в таких случаях.

Елена

Кроткие не сдаются

На вопрос читателя
отвечает психолог
Александр Ткаченко

В каких случаях христиане имеют
право на протест

Тезис первый: После грехопадения человек уподобился неразумным животным. Здесь и нужно искать объяснение наших поведенческих проблем — в том числе связанных с агрессией.

Дорогая Елена, судя по описанию, у Вас есть серьезные проблемы... с агрессией. Да, это может звучать парадоксально, ведь в письме вы говорите, казалось бы, о стремлении к миру, а не к войне. Так в чем же дело? А дело в том, что агрессия в поведении человека может быть не только избыточной, но и недостаточной для нормальной жизни в обществе. Очень похоже, что второй случай — как раз Ваш. Подавленная агрессия — источник многих проблем у хороших, добрых, искренне стремящихся к благу людей. Почему получается так, что столь важное природное свойство оказалось у Вас практически полностью заблокировано — тема для Вашей совместной работы со специалистом-психологом. А в этой статье я попробую рассказать, что же такое агрессия с точки зрения психологии, как она соотносится с христианским пониманием гнева и чем подавленная агрессия отличается от евангельской добродетели кротости.

Слово «агрессия» обычно воспринимается нами как что-то плохое и недостойное. Когда оно звучит в устной или письменной речи, воображение тут же рисует образ опьяневших от безнаказанности уличных хулиганов, мужей, избивающих своих жен и детей, или просто какого-нибудь хама, беспардонно оскорбляющего людей, неспособных ему достойно ответить. Такое восприятие настолько укоренилось в нашем сознании, что любое упоминание об агрессии вызывает мгновенную и потому неосознаваемую реакцию отторжения. И нужно сказать, что реакция эта вполне закономерна: слишком страшные вещи стоят за этим понятием в печальном опыте многих и многих людей.

Но к сожалению, в таком безусловном отрицании любого нашего природного свойства всегда существует опасность вместе с водой выплеснуть и ребенка: полностью исключив агрессию из своей жизни, мы рискуем упасть в другую крайность и сделать свою жизнь невыносимой в самых разных ее областях.

В истории человечества агрессия занимает столько места, что наряду с «гомо сапиенс» наш вид вполне можно было бы назвать еще и «человек агрессивный». Рассказы о бесконечных войнах, драках, ссорах и раздорах буквально пропитывают собою культуру любого народа. Соответственно, и законы во всех человеческих сообществах были призваны в первую очередь обуздать эту стихию в человеке, создать для воинственного поведения некие рамки, за пределами которых ее проявления подвергались бы наказанию.

Но что же представляет собой сама эта стихия и откуда она берется в человеке?

Чтобы ответить на этот вопрос с христианской точки зрения, нужно сделать небольшой экскурс в христианскую антропологию.

Церковь учит, что после грехопадения Адама и Евы природа человека изменилась. Вернее сказать, природа осталась прежней, но изменился сам способ ее функционирования. Пояснить это можно через простую аналогию. Что происходит с ноутбуком, хозяин которого посчитал, что этот девайс может работать вполне автономно, и потому увез его куда-нибудь в лес или в горы, где заведомо нет возможности подключиться к электросети? Очевидно, что ноутбук какое-то время работает на сохраненной зарядке. А потом отключится. Или, как говорят пользователи, «умрет».

Ровно то же самое произошло и с человеком, отпавшим от источника своего существования — от Бога: человек начал умирать. Но если в отключенном ноутбуке некоторое время действует накопленный заряд, то отпавшему от Бога человеку для поддержания своей постоянно угасающей жизни пришлось черпать ресурсы из окружающей среды.

Святые отцы единодушно утверждают, что с грехопадением в человеческое естество вошли страстность, тленность, смертность, названные в Библии «кожаными ризами», которые Бог дал падшему человеку.

Созданный для вечной жизни с Богом, не подверженный болезням и страданиям, властвующий над всеми живыми существами человек, отпав от Бога, стал вынужден в поте лица добывать себе пищу, прятаться от диких зверей, мучиться от голода и жажды, страдать от жары, холода и болезней.

Страстность, или, говоря проще, подверженность страданиям, выразилась в уязвимости человека, в зависимости его от внешних условий существования.

Тленность можно рассматривать в современных категориях как включенность человека в общий для всей природы обмен веществ, неизменно предполагающий для всего живого этапы расцвета, зрелости, плодоношения, и постепенного увядания. Ну а что такое смертность, наверное, объяснять никому не нужно.

Созданный для вечной жизни с Богом, не подверженный болезням и страданиям, властвующий над всеми живыми существами человек, отпав от Бога, стал вынужден в поте лица добывать себе пищу, прятаться от диких зверей, мучиться от голода и жажды, страдать от жары, холода и болезней.

Если обобщить все эти изменения, то вывод можно сделать вполне однозначный: после грехопадения человек уподобился неразумным животным, или, как говорит об этом церковная

традиция, *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс 48:13, 21).

Физическая природа человека, отпавшего от Бога, стала подобна природе любого живого существа на нашей планете. Соответственно, у человека появилось множество поведенческих мотивов, которые ничем не отличаются от тех, что движут животными. Поэтому поиски причин агрессии в человеке можно начать с выявления этих же причин в поведении животных.

Случаи, когда животное ведет себя агрессивно, наверное, без особого труда сможет вспомнить каждый из нас. Попробуйте забрать из миски косточку даже у самой миролюбивой собаки. И сразу станет понятно, что она тоже умеет оскалить зубы, поднимать шерсть на загривке и грозно рычать. Точно так же воинственно кошка будет защищать свое потомство, невзирая на то, что ее противник может оказаться вдесятеро крупнее нее. В дикой природе животные строго соблюдают границы своих и чужих охотничьих угодий. И если, например, какой-нибудь молодой медведь, не разобравшись, вторгся на территорию другого косолапого, его неизбежно ждет очень серьезное выяснение отношений с хозяином. Самцы разных видов устраивают настоящие бои за обладание самкой в брачный период. Ну и конечно же, животные проявляют агрессию во время охоты. Причем агрессивно себя ведут не только хищники, но и те, на кого они охотятся. Обычный заяц, защищаясь, может своими сильными задними лапами распороть живот нападающему на него волку.

Очевидно, что во всех случаях животные ведут себя так, защищая нечто очень важное для

них: еду, потомство, территорию, самку, жизнь. Но разве для человека все это менее значимо, чем для животных? И на что обрекает себя и своих близких тот, кто полностью исключит любое проявление агрессии в своем поведении? Да, цивилизованное общество создало целый ряд инструментов, защищающих каждого своего члена от чужих посягательств. Тут и закон, и правоохранительные органы, и общественная мораль, и религиозные нормы поведения для верующих.

Но все мы знаем, что в жизни бывают случаи, когда все эти цивилизационные «предохранители» вдруг сгорают и человек остается один на один со злом, уже готовым восторжествовать. Проще говоря, бывает так, что защищать свой дом, своих близких, их здоровье, честь или даже жизнь человеку приходится самому. Причем совсем необязательно для этого быть мастером единоборств или владеть оружием. Часто бывает достаточно просто сделать шаг навстречу врагу, посмотреть ему в глаза, жестко произнести несколько слов, дающих понять, что ты готов защищать то, что тебе дорого. Но именно для решимости сделать такой шаг человеку бывает нужна агрессия. И горе тому, у кого в нужный момент ее не хватило.

К сожалению, в падшем своем состоянии человек может оказаться для своих сородичей куда опаснее любого зверя. Поведение животных подчинено довольно простой и понятной логике, его почти всегда можно просчитать и вовремя исправить положение, если ты сам повел себя неправильно. Но человеческий разум, поврежденный грехом, способен к самым чудовищным и безумным извращениям представлений о допустимом, когда границы чужого жизненного пространства нарушаются не случайно, а вполне намеренно и откровенно. И тогда на помощь подвергшемуся нападению человеку приходит его природная способность отражать такое нападение.

Митрополит Сурожский Антоний рассказывал такую историю. В восьмидесятые годы народу в храме было очень мало, приход был бедный. Владыка жил тогда при храме. Однажды кто-то стучится в дверь, владыка выходит: у двери агрессивного вида бродяга заявляет, что пришел грабить церковь. И тут пожилой и явно не бойцовской комплекции архиерей ему говорит: «Приготовься, сейчас я тебя буду бить. Предупреждаю заранее, несмотря на то, что человек я пожилой, побить я могу очень сильно, а поскольку я хирург, то и покалечить могу. Я тебя предупредил? Теперь давай будем драться». Бродяга, явно не ожидавший такого приема, недовольно буркнул что-то в ответ и ушел. Владыка, смеясь, об этом потом рассказывал: «А что делать? Я же не дам храм грабить, охраны у нас нет, надо было как-то в одиночку защищать храм». Так, готовность к отпору, вовремя проявленная пожилым архиереем, помогла ему защитить храм от поругания, а несчастного, опустившегося человека удержать от греха святотатства. Со стороны владыки Антония тоже была проявлена агрессия, но способ ее употребления был бесконечно далек от преступного поведения уличных хулиганов или мужей, способных поднять руку на своих жен.

Тезис второй: Агрессия — инструмент для защиты наших границ, который вместе с теми самыми «кожаными ризами» был дан Богом человеку, когда он через грехопадение уподобил себя животным.

Но вот пришел на землю Иисус Христос — Сын Божий. И воспринял эти же самые «кожаные ризы», но не в наказание за грех, как все прочие люди (потому что никакого греха в Нем не было), а по собственной воле, из любви и сострадания к нам. И тут возникает закономерный вопрос: а был ли и гнев в числе прочих человеческих свойств, воспринятых Богочеловеком при воплощении?

Евангелие дает на это вполне однозначный ответ — да, был. Примеров этому в евангельском тексте более чем достаточно. В сущности, почти все эпизоды, где иудеи пытаются своими вопросами спровоцировать Его на нарушение иудейского закона, являются такими примерами. Чего стоят одни эпитеты, которые Иисус употребляет в ответ на эти провокационные вопросы и требования показать знамение с неба: «род лукавый и прелюбодейный», «...порождения ехиднины, как вы можете говорить доброе, будучи злы», «безумные и слепые!». Называя своих собеседников лицемерами, змеями и гробами, наполненными нечистотой, Иисус очевидно проявляет вербальную агрессию в отношении к законникам, которые присвоили себе право толковать закон и превратили Божьи заповеди в бессмысленный набор обрядов, за которыми разучились видеть живую человеческую боль и горе. Но самый яркий пример подобного рода Евангелие дает, конечно же, в истории с изгнанием торгующих у храма, где Иисус от гневных взглядов и слов перешел к прямым действиям: *Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, [также] и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли* (Ин 2:13–16).

В церковной традиции все эти примеры относятся к категории праведного гнева. Но гнев — это эмоциональная реакция. Поведение же, вызванное такой эмоцией, является не чем иным, как агрессией (которая, кстати, в буквальном смысле переводится как «нападение»). Иисус не делает вид, будто не замечает лукавства искушающих его фарисеев. Он не подавляет Свой гнев на нарушение ими закона любви и милосердия, а открыто выражает его в гневных взглядах, словах, поступках.

И вот здесь очень важно понять — на что же именно направлял Господь Свой гнев, какие границы Он защищал. По общему мнению святых отцов, гнев Иисуса Христа в евангельском описании всегда был направлен на грех, творимый людьми. Причем не на любой грех, а только на тот, который народные учителя иудеев творили под маской праведности. Блудница знала, что виновна, и Господь защитил ее от побивания камнями. Мытари понимали, что предали свой народ, по праву ненави-

Есть люди, которым сложно проявлять свой природный гнев в повседневном поведении. И задача психолога — помочь человеку научиться использовать агрессию для защиты своих границ. Лучше всего этот навык выражен в простом и коротком слове «нет» там, где человек не согласен с происходящим, где он видит, что его вовлекают во что-то помимо его воли.

димы им, и Господь приходил к ним в гости, ел с ними хлеб, пил вино. Но лживые «праведники», пытавшиеся прикрыть свое бессердечие педантичным исполнением буквы закона, неизменно вызывали у Него праведный гнев.

Иисус Христос в Евангелии проявляет агрессию только там, где нужно защитить границы настоящей праведности и главного содержания закона — любви к Богу и к ближнему. Его гневный голос звучит лишь в тех случаях, когда грех пытается выдать себя за благочестие.

Впрочем, даже в этом Он всегда разделяет грех и самих грешников. В истории с изгнанием торгующих из храма упоминания о биче вызывают у многих соблазн подумать, будто воплотившийся Бог способен был избивать провинившихся перед Ним людей специально изготовленным для этого орудием.

Чтобы оградить читателей Евангелия от подобных предположений, Евфимий Зигабен — один из авторитетнейших толкователей Священного Писания — более детально пояснил это место: «Следует заметить, что, сделавши бич, Иисус Христос не бил людей, но только устрасил их и удалил, а овец и волов, конечно, ударял и выгнал».

Бич — пастушеский инструмент. Вполне разумно соорудить его из подручных материалов там, где нужно прогнать скот со двора. Но полагать, будто этим же бичом Иисус бил и грешников, наживавшихся на сборе денег с богомольцев, было бы по меньшей мере странно. Двадцать седьмое правило святых апостолов однозначно утверждает, что Иисус никогда, ни при каких обстоятельствах Своей земной жизни не поднимал руку на человека: «...Ибо Господь отнюдь нас сему не учил: напротив того, сам быв ударяем,

не наносил ударов, укоряем, не укорял взаимно, страдая, не угрожал».

Тезис третий: Агрессия не всегда связана с разрушением и подрывом порядка человеческих взаимоотношений. У нее есть нормальные формы.

Как уже упоминалось, обычно слово «агрессия» вызывает в мыслях образ перекошенного от злобы лица, бешеного взгляда, сжатых добела кулаков. Однако бывают и такие проявления агрессии, которые вообще никак не связаны с нападением на кого-либо или с какими-то иными деструктивными и асоциальными действиями.

С точки зрения психологии некоторая доля агрессии присутствует практически в любой форме поведения, связанной с нашим самопредъявлением во внешний мир. Например, подходя на улице к незнакомому человеку, чтобы спросить у него дорогу в чужом районе, мы по сути вторгаемся в его границы. Он идет, погруженный в свои дела и раздумья, а мы вынуждены его побеспокоить, чтобы решить свою проблему. И хотя мы обращаемся к нему вежливо и с улыбкой, движущей силой в этом нашем действии все равно является агрессия. То же самое происходит, когда мы общаемся с любым должностным лицом — от секретаря на приеме у высоконого начальства до консьержки в подъезде. Многие испытывают в таких ситуациях иррациональную робость. Одни, чтобы преодолеть ее, начинают вести себя чуть более напористо, чем этого требует ситу-

ация. Другие, наоборот, стусевываются, путают слова, забывают, о чем хотели сказать изначально. И тот и другой варианты — результат неумения обращаться с собственной агрессией, дозировать ее сообразно обстоятельствам. А уж как необходимо это свойство при публичном выступлении, наверное, знает всякий, кому приходилось стоять лицом к лицу с заполненным людьми залом. Люди творческих профессий называют такое состояние «кураж», но по сути это именно она — нормальная природная агрессия, помогающая артисту вторгнуться в психологические границы публики, подчинить ее своей игре, изменить ее чувства.

Определенная ее доля необходима даже для того, чтобы признаться девушке в любви. С одной стороны — это самораскрытие, делающее человека уязвимым (а вдруг она откажет?). Но с другой, признание в любви — это решительный шаг навстречу, все то же вторжение в чужое психологическое пространство, требование ответа на свои чувства.

В зависимости от обстоятельств у такой неразрушительной поведенческой агрессии есть много имен — кураж, напор, решительность, мужество, дерзновение. Все эти ее формы абсолютно нормальны, социально приемлемы и даже необходимы для здоровой и продуктивной жизни каждого человека и общества в целом. Они не имеют ничего общего с домашним насилием, драками, хамством и другими деструктивными действиями, превращающими нашу жизнь в кошмар.

Но если человек теряет способность к этим здоровым формам проявления агрессии, ему можно только посочувствовать. Установить самый элементарный контакт с окружающими такой человек либо не может совсем, либо это дается ему ценой мучительных усилий. Попросить у руководства прибавку к зарплате, сказать соседу, чтобы тот перестал курить на лестничной клетке, произнести тост на дружеской вечеринке, пригласить девушку на свидание — все это становится неразрешимой проблемой. Причем речь идет не только о несостоявшихся переговорах, выступлениях и признаниях в любви. Дело в том, что гнев у таких людей никуда не исчезает, поскольку является неотъемлемой богоданной частью нашей человеческой природы, тех самых «кожаных риз», полученных нашими прародителями от Господа. Просто там, где он не находит естественного выхода в повседневных контактах с другими людьми, ему приходится искать обходные пути, подобно ручейку, перекрытому внезапно упавшим деревом. Этих путей, как правило, два: перенаправить гнев на замещающий безопасный объект и перенаправить его на себя. В первом случае человек, неспособный твердо ответить на работе хаму-начальнику, в итоге срывается дома на жене и детях. Во втором начинает изводить себя бесконечными внутренними самообвинениями и страдать чувством собственной ничтожности и неправильности. Нетрудно догадаться, что оба варианта не добавляют человеку психологического и физического здоровья. А у людей верующих эти процессы могут принять еще и специфически-религиозную окраску. Например, человек может убедить себя в том, что его нерешительность — это ни больше ни меньше как исполнение заповедей Евангелия. Действи-

тельно, в Нагорной проповеди на первый взгляд есть оправдание подобному поведению: если тебя ударили по одной щеке, говорится в ней, то подставь другую, если у тебя требуют верхнюю одежду — отдай и рубаху. Но чтобы правильно понять эти слова во вневременном контексте, нужно прежде всего выяснить, к людям какого склада они были обращены в момент проповеди.

Тезис четвертый: Христианская кротость — это не про слабость или невозможность дать отпор. Это про силу, которая, однако, способна себя удерживать.

Из всех захваченных территорий Иудея была едва ли не самым беспокойным приобретением Римской империи. Периодически вспыхивающие восстания, скрытое сопротивление, категорическое нежелание местных жителей становиться подданными Рима — все это создавало массу неудобств правителям этой области. Обычный инструмент римлян — ассимиляция, растворение захваченных народов в плавильном котле империи — тут оказался бесполезным: поступившие на службу к римлянам иудеи тут же становились изгоями среди соотечественников. Закон Моисея оказался нерушимой скалой, о которую в Иудее разбивались волны знаменитых законов Рима. Вместо безотказно действующего в других местах механизма ассимиляции здесь был установлен лишь хрупкий баланс отношений, готовый в любой момент сорваться в кровавую круговерть очередного восстания.

У древних иудеев был скорее переизбыток агрессии, нежели ее недостаток. Несмотря на строжайший запрет для местных жителей иметь при себе оружие, среди иудеев было много людей, носивших его постоянно и готовых пустить в ход при подходящем случае. Даже среди учеников Христа у двоих при себе были мечи, а апостол Петр не задумываясь кинулся с ножом на пришедшую арестовывать Учителя стражу и отсек одному из воинов ухо. Апостолы Иоанн и Иаков, столкнувшись с негостеприимностью жителей самарянской деревни недолго думая были готовы свести огонь с неба и испепелить все селение. Меньше всего на свете эти темпераментные люди были склонны подставлять щеки под удары и отдавать свое добро непонятно кому. Значительная часть иудейского закона была направлена как раз на усмирение этой необузданной агрессии. Так, знаменитая фраза «Око — за око, зуб — за зуб», выглядящая сегодня как прямое предписание о жестокой и безжалостной мести, на самом деле была строгим ограничением такой мести для иудеев, норотивших за выбитый зуб снести обидчику всю челюсть, а за выбитый глаз отрезать голову. Вот к этому воинственному народу и были обращены слова Нагорной проповеди.

Да, мы рассматриваем эти заповеди как универсальные, данные всему человечеству на все времена. Но вряд ли возможно правильно понять духовный смысл слов Иисуса, игнорируя реальный исторический контекст, в котором они были сказаны. В Нагорной проповеди Господь обра-

шался не к безвольным меланхоликам, а к людям сильным, вспыльчивым и склонным к превышению норм агрессии, допустимых в обществе. Евангельская кротость, к которой призывает Христос, — это не бессилие, а огромная сила, умеющая себя удерживать там, где это необходимо ради высших целей. Перевернутые столы меновщиков и разогнанные жертвенные волы и овцы — лучшее подтверждение тому, что за кротостью Иисуса всегда стоит духовная мощь защитника праведности. А слова о подставленной другой щеке — вовсе не оправдание внутренней слабости и неспособности дать отпор. Сам Иисус, когда слуга ударил его на допросе у первосвященника, хотя и был готов претерпеть все страдания и унижения, отнюдь не стал подставлять другую щеку, но потребовал от ударившего Его ответа: *если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?* (Ин 18:23)

«Если у тебя требуют верхнюю одежду — отдай и рубаху». Чтобы правильно понять эти слова, нужно прежде всего выяснить, к людям какого склада они были обращены в момент проповеди.

Конечно, этот случай не отменяет заповедь о другой щеке, но все же он придает ей очень важный смысловой оттенок: оказывается, настоящее христианское отношение к оскорбившему тебя человеку иногда может выражаться как раз в таком твердом требовании ответа — за что ты так со мной поступаешь? Ведь Иисус сказал эти слова ударившему вовсе не от захлестнувшей Его обиды, а ради самого же ударившего, ради того, чтобы тот сам смог увидеть всю несправедливость и подлость своего «благочестивого» поступка, а все присутствующие осознали, что творят не суд, ➔

реклама

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
«ГРЕЧЕСКАЯ ОЛИВА»

Доставка греческих
продуктов

- Феодосийская, 2
- Новослободская, 20
- (495) 540-47-17 • www.greekoliva.ru

а незаконное судилище над невиновным. Часто бывает так, что исполнением заповеди о любви к ближнему для христианина бывает не молчаливое согласие с насилием и несправедливостью, творимыми над ними, а как раз такой — кроткий, но твердый — протест ради вразумления обидчика.

Тезис пятый: *Чтобы применять агрессию в мирных целях, нужно научиться говорить «нет», когда вы не согласны с происходящим.*

В отношении агрессии психологам приходится иметь дело с двумя крайностями. Есть люди, которые не в состоянии совладать со своей яростью и причиняют этим множество страданий своим близким и себе самим. Но есть и те, кто совсем никак не могут проявить свой природный гнев в повседневном поведении и тоже страдают от этого. И если в первом случае совместная работа психолога и клиента направлена на приобретение навыков снижения уровня агрессии до социально приемлемых значений, то во втором задача прямо противоположная — помочь человеку научиться использовать ее для защиты своих границ. И речь здесь идет вовсе не об умении отвечать ударом на удар или кричать на противника, грозно вращая глазами.

Навык использования этого инструмента в мирных целях лучше всего выражен в простом и коротком слове «нет» там, где человек не согласен с происходящим, где он видит, что его вовле-

Часто бывает так, что исполнением заповеди о любви к ближнему для христианина будет не молчаливое согласие с насилием и несправедливостью, творимыми над ними, а кроткий, но твердый протест ради вразумления обидчика.

кают во что-то помимо его воли. Так, у многих людей пристрастие к пьянству начиналось в юности с неумения твердо сказать это самое «нет» в ответ на призывы собутельников: «Ну ты что, нас не уважаешь? Обидеть хочешь? Не разрушай компанию, хватит выпендриваться». И человек, давясь от отвращения, выпивал предложенный ему стакан действительно из боязни обидеть приятелей. В трагикомедии Георгия Данелия «Осенний марафон» показана грустная история человека с подавленной агрессией. Главный герой фильма переводчик Бузыкин не может отказать никому вообще — ни начальнику, когда тот отбирает у него поэтический перевод, о котором Бузыкин мечтал; ни коллеге, которая нагло его эксплуатирует, выдавая работы Бузыкина за свои; ни любовнице, хотя вроде бы уже твердо решил остаться в семье; ни соседу-алкоголику, требующему, чтобы «тостуемый пил до дна»; ни зарубежному профессору, каждый день вытаскивающему его, измученного и невыспавшегося, на пробежку

ни свет ни заря. Бузыкин очень боится обидеть своим отказом близких ему людей. А в результате портит жизнь и себе, и им, лишь развращая людей своей покладистостью или внушая надежды, которые он не в состоянии осуществить.

Такой уровень подавления своей природной агрессии может быть вызван разными причинами, и в каждом конкретном случае лучше разбираться отдельно со специалистом-психологом. А православному человеку с такой проблемой можно в молитвах просить у Господа мужества и решимости, когда этого требуют обстоятельства и его христианская совесть. И учиться подражать Иисусу Христу не только там, где Он с кротостью переносит оскорбления врагов, но еще и там, где Он, не теряя любви и кротости, твердо говорит старшему из Своих учеников: *Отойди от меня, сатана! Ты мне соблазн!* (Мф 16:23)

Каков же общий вывод из всех этих рассуждений? Наверное, он может выглядеть так. Быть агрессивным человеком плохо. Бить жену и детей (даже если тебе кажется, что ты прав) — отвратительно и недопустимо для любого вменяемого человека, а уж тем более — для христианина. Оправдывать свою несдержанность и грубость любыми причинами, какими бы они ни были, — лукавство и самообман. Все это безусловные истины с любой точки зрения, как с психологической, так и с христианской.

Но это никак не отменяет того, что в человеке существует природная способность к гневу и агрессивному поведению, которую Сам Бог дал ему вместе с «кожаными ризами» после изгнания из Рая. Сама по себе она не является плохой или хорошей, как и все прочие природные свойства человека. И лишь наша свободная воля может сделать ее либо инструментом исполнения заповедей Евангелия, либо — орудием их нарушения. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Богочеловек имел свойство гнева; но гнев действовал в Нем как святая душевная сила, как характер, как энергия, постоянно сохраняя достоинство человека, никогда не обнаружив никакого увлечения. Господь выразил Свое негодование тем, которые не допускали к Нему детей; Он подвигся гневом на ожесточенных и ослепленных фарисеев, дерзнувших хулить явное Божие чудо. Необыкновенное, поразительное владение гневом, при употреблении этой силы в движение, созерцается при тех страшных обличениях, которые произносил Господь иудеям».

Вот эти слова — «поразительное владение гневом, при употреблении этой силы в движение» могут стать хорошим ориентиром в оценке собственной агрессивности для каждого христианина. Иисус Христос обладал гневом, но никогда не позволял гневу обладать Собой. И если мы вдруг почувствовали, что возмущение и гнев выходят из-под контроля нашей воли и рассудка, это верный знак того, что мы переходим границу допустимого. Но и там, где этого гнева нам не хватает для восстановления попорченной справедливости, тоже следует задуматься: все ли у нас с ним в порядке? В балансе между двумя этими крайностями и находится здоровое употребление Божьего дара, который люди так часто используют не по назначению. **ф.**

Иллюстрации **Марии Сосниной**